

КАВКАЗЪ,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

№ 31.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Тифлисѣ: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровск. площади и у коммисіонера с.л. Г. В. Беренштама; а также въ Губ. Почт. Конторѣ. Въ С.-петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-петербург. Почтамта. Въ Москвѣ: у коммисіонера Паша. Моск. Университ. Ф. О. Свѣшниковъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ
За газету «Кавказъ» безъ казенныхъ прибавл. 9 р., съ прибавл. 12 руб. 50 к. За одинъ казенный прибавленіи 5 р. Съ частными объявленіями, печатаемыхъ въ газетѣ, взимаются по 1/2 коп. сереб. съ буквы.

На газету «Кавказъ» подписываться можно всегда, съ тѣмъ, что годъ будетъ считаться съ той только нумера, передъ коимъ поступитъ взносъ денегъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Правительственныя распоряженія. Высочайшіе приказы по военному ведомству отъ 11 и 12-го юня. Кавказская летопись. Военныя известія. Новѣсти о Россіи. Записка памятника тысячелѣтію Россіи. Политическое обозрѣніе. Фельетонъ. Слабые Нервы, разсказъ (продолженіе).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО КАВКАЗСКОЙ АРМІИ.

Юня 11-го дня. Переводится: Перяславскаго Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Александровича подполковника капитанъ князь Аргушинскій-Долморуновъ—въ Ашероукой Пехотный полкъ. 18-й Артиллерійской бригады Штабсъ-Капитанъ Есаковъ—въ Кронштадтскую Крѣпостную Артиллерию. Увольняется отъ службы, за болѣзнію: Пехотныхъ полковъ Тульскаго, Подпоручикъ Головинъ, Поручикомъ, съ мундиромъ и съ пенсіонномъ двухъ третей оклада. Совастопольскаго, Прапорщикъ Карпескій, Подпоручикомъ и съ мундиромъ Кавказскаго Ливійнаго баталіона № 22-го, Поручикъ Андреевъ, Штабсъ-Капитаномъ, съ мундиромъ и съ пенсіонномъ двухъ третей оклада. Исключаются изъ списковъ: Убитый Горцами, Подпоручикъ Тульскаго Пехотнаго полка Пленнеръ-фонъ-Пленцendorffъ. Умершій, Кубавскаго Пехотнаго полка Штабсъ-Капитанъ Дандри.

Юня 12-го дня. Производится, въ сравненіи съ сверстниками, со старшинствомъ: Кавказскихъ Ливійныхъ баталіоновъ: № 34-го, Прапорщикъ Самоленко, въ Подпоручики, съ 8-го января сего года. № 35-го, Подпоручикъ Пасецкій, въ Поручики, съ 16-го мая 1860 года.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

СЛАБЫЕ НЕРВЫ.

(Разсказъ.)

V.

На другой день Колокольниковъ проснулся рано, т.е. еще съвѣдалъ четыре—не болѣе, и первая мысль, озарившая его опухавшую голову, была та, что надо охмѣлѣться. Наблюденія надъ вѣщою частью человѣческаго рода приводятъ къ тому заключенію, что человѣкъ, пьющій много лѣтъ, и пьющій не мало, всегда притупляется по утрамъ рано. На него можетъ напастъ спячка въ теченіе дня; но вамъ бы поздно ни легъ онъ съ вечера, болѣе трехъ, четырехъ часовъ онъ не проснётся. А при пробужденіи ломота въ черепѣ и біеніе сердца поведутъ аэставать его припомнить мудрое изрѣченіе: similia similibus curantur. Напавшіе пить похмѣлья не знаютъ: ага принадлежатъ исключительно принадлежать уже искусившимся въ дѣлѣ уничтоженія произведеній акцизно-откупныхъ коммисіонерствъ.

Девчонка Гребницкаго, Цыбуля, услышавъ, что Колокольниковъ покашливаетъ и встаетъ на кровати, привнесла за дѣло. Ему вѣжливо было въ обязанность приготовить господамъ на похмѣлье окрошку по рецепту, составленному самимъ Колокольниковымъ. Вотъ этотъ рецептъ.

- Вр. Квасу-суровна 2 фунта.
- Говядины рубленой 1 фунтъ.
- Огурцевъ соленыхъ № 2.
- Луку крошеного 3 унціи.
- Горичницъ крѣпкой 2 унціи.
- Солн quantum satis.

Fiat lege artis окрошка. Употреблять натощакъ послѣ большой рюмки alcoholis diluti.

Замѣщается: Паггорскій Командантъ, состоящій по Армейской Пехотѣ Павловичъ Кедаковский 2-а, въ знаменныя войска, съ оставленіемъ по Армейской Пехотѣ. Переводится: Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка, состоящій для особыхъ порученій, по части Генеральнаго Штаба, въ Штабъ войскъ Терекской Области, Поручикъ Милыкинъ Невструевъ, — въ Генеральный Штабъ, Штабсъ-Капитаномъ, съ оставленіемъ въ настоящеемъ должности. Разавскаго Пехотнаго полка, Штабсъ-Капитанъ Пасаровъ—въ Ашероукой Пехотный полкъ. Увольняется въ безсрочный отпускъ: 18-й Артиллерійской бригады Поручикъ Лукошковъ, въ губерніи: С.-Петербургскую, Нековою и Казанскую.

КАВКАЗСКАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Военныя известія.

ИЗЪ КУБАВСКОЙ ОБЛАСТИ. Войска Адагумскаго отряда, какъ известно читателямъ изъ № 46 газеты «Кавказъ», по окончаніи дѣйствій на плоской части земли Шапсуговъ сосредоточились у поста Великодагернаго на Кубани.

Послѣ двухдневнаго отдыха, отрядъ перешелъ къ 16-му мая въ укрѣпленный лагерь на Абинѣ, откуда рѣшено было произвести усиленную рекогносцировку путей, ведущихъ къ Геленджикъ.

Съ этой цѣлью большая часть войскъ отряда направилась первоначально къ бывшему Николаевскому укрѣпленію, 23-го мая перешли черезъ главный хребетъ и 24-го числа, двинувшись по ущелью Адерби, достигли Геленджика. Затѣмъ отрядъ, 26-го, перешелъ въ бывшее укрѣпленіе Кабардинское и черезъ Николаевскую поляну къ 28-му мая возвратился отсюда въ укрѣпленный абинскій лагерь.

Почти во все время этого движенія войска вынуждены были вести съ горцами болѣе или менѣе значительныя перестрѣлки, но наибольшее сопротивленіе со стороны непріятельскаго населенія отрядъ встрѣтилъ во время слѣдованія къ Геленджикъ: 22-го мая, несколько не доходя до перевала черезъ главный

хребетъ, 23-го числа, во время прохода черезъ самый перевалъ и при спускѣ съ него, а также 24-го мая при наступленіи далѣе по р. Адерби къ Геленджикъ.

24-го мая горцы, пользуясь весьма пересѣченною мѣстностью, постоянно тревожили отрядъ и не доходя до поляны на хребтѣ Кедегуръ, на которой имѣлось въ виду расположить войска на ночлегъ, заняли лѣсный глубокой оврагъ, преграждавшій путь къ полянѣ. Пехота передовыхъ войскъ, руководимая находившимся въ то время при авангардѣ начальникомъ Кавказской Гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенантомъ барономъ Николаи, атаковала горцевъ съ фронта, наступая по лѣснымъ тропинкамъ, а въ то же время часть кавалеріи отряда обсквала ихъ съ фланга. Непріятель бѣжалъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько тѣлъ, лошадей и оружія.

23 мая, горцы готовились къ сильному сопротивленію, а мѣстность какъ нельзя лучше благоприятствовала ихъ намрѣнію. Для развлеченія силъ непріятельскихъ и въ особенности для обезпеченія спуска съ перевала артиллеріи, войска направлялись тремя колоннами. Въсѣмъ колоннамъ пришлось преодолевать большія трудности, по причинѣ крайне пересѣченной мѣстности и сопротивленія со стороны горцевъ, такъ что въ этотъ день сдѣланъ былъ весьма незначительный переходъ. При этомъ движеніи, лѣвая колонна, слѣдовавшая подъ начальствомъ подполковника Самойлова, первоначально по ущелью р. Адерби, а потомъ по высотамъ праваго ея берега, взяла по пути съ бою большой аулъ, служившій главнымъ складомъ артиллерійскихъ запасовъ партии Фибустьеровъ, возмущавшихъ горцевъ въ 1856—1859 годахъ.

24-го мая, войска продолжали движеніе далѣе по р. Адерби, текущей въ ущельи, которое представляетъ узкую трещину съ крутыми и лѣсными боками, сближающимися въ одномъ мѣстѣ на разстояніи до 10 сажень.

Горцы, состоявшіе почти исключительно изъ жителей ауловъ, известныхъ подъ общимъ именемъ Казуко-Хабль и расположенныхъ по р. Кокумъ, собрались

Черезъ полчаса Цыбуля подалъ Колокольникову эту микстуру; также поставилъ на столъ и графинчикъ съ водкой, а самъ сталъ у дверей съ явнымъ намрѣніемъ начать разговоръ, который, судя по сумрачному выраженію лица Цыбули, обещалъ быть разговоромъ непріятнаго свойства.

Колокольниковъ привился лечиться.
— Купать дома будете? угрюмо спросилъ Цыбуля.
— Дома.
— А что готовить?
— Что хочешь, все равно.
— Покажите денегъ.

Колокольниковъ положилъ ложку и посмотрѣлъ на Цыбулю съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: А откуда бы я тебѣ взялъ ихъ?
— Возьми по книжкѣ, сказалъ онъ.

— Книжка вся вышла. Духанчикъ болѣе не даетъ; говоритъ: привнеси записку отъ казначея. Вотъ дасчетъ лошадей тоже, продолжалъ онъ помолдавѣ и вида, что въстать о предстоящемъ голодѣ не произведла желаемого дѣйствія на Колокольникова, который хладнокровно свертывалъ шапсору.—Сбыла ужъ другая недѣля лѣтъ; на фуражирку ѣздить не на чѣмъ: ни повозки нѣтъ, ни косы. Прежде все у донцевъ въ стѣнникъ поживался, а теперь нѣльзя, — замѣтили: «мы, говоритъ, тебѣ ноги попеределаемъ, колочка (*), говоритъ, ты эдакая... Намедни удалось за ночь сарайчикъ небольшой на форштатъ раскрыть, такъ, по крайности, солома была; а теперь, воля ваша, и соломы ни былинки. Хотя вы и изволите говорить, что эдакъ лошади скорѣй выучатся едой... какъ-бншь ес?..

— Астрономіи, подсказалъ Колокольниковъ.
— Такъ точно. Только свѣта наука для лошади, вовсе неподходящая. Воиъ у сѣраго-то машака отъ свѣта науки совсѣмъ животъ подвело.

(*). Солдаты называютъ казаконъ въ шапсору: чина и луку; а казаконъ ихъ—колочка.

— Ну хорошо; о лошадяхъ мы съ баринномъ поговоримъ. Достаемъ съна. А объѣдъ чтобъ все-таки былъ.

— Да помилуйте, Коскенчикъ Сергійчъ... началъ было Цыбуля; но Колокольниковъ произнесъ одно только слово: печезай! и Цыбуля быстро повернулся и вышелъ, какъ будто только и ждалъ этого слова.

Страшный человекъ былъ Цыбуля. Сколько бы денегъ ни дали ему на объѣдъ—онъ никогда не приносилъ сдachu. Дайте ему хоть гривенникъ, хоть десять рублей, онъ возьметъ молча и накормитъ васъ тѣмъ-же борщомъ и тѣмъ же офицерскими блюдами; не дайте ему ничего—онъ поворочитъ, а все-таки накормитъ. На спросы о сдачѣ онъ, обыкновенно, отпалчивался; но если ужъ круто приходилось, такъ съ сердцемъ отвѣчалъ:

— Какая вамъ сдacha? Долженъ быть въ лавкѣ—занятый. Вотъ вамъ и сказъ.

Барина своего онъ никогда не боялся и обходилъ съ нимъ рѣзко; а когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа—умѣренно-ласково, «чтобы не разбаловался», какъ онъ самъ выражался. Нпротивъ того, къ Колокольникову, какъ человеку дѣтельному и никогда не унывающему, Цыбуля питалъ чувство безграничнаго уваженія, смѣшивающее съ нѣкоторой долей страха, и послѣ грознаго «печезай» никогда не рѣшался противорѣчить, опасаясь за цѣлость своего «кусательнаго снаряда», хотя Колокольниковъ ни разу не подалъ ему повода къ подобнымъ опасеніямъ.

Часовъ въ 8 проснулся и Гребницкій, и пріатели ушли за самоваръ.

— Вчера я у тебя не распрощалъ, сказалъ Колокольниковъ:—какъ ты передалъ письмо. Разскажи мнѣ.

— Вотъ видишь-ли, началъ Гребницкій, очень довольный тѣмъ, что пріятель принимаетъ участіе въ его сердечныхъ дѣлахъ:—она по вечерамъ всегда выходитъ гулять въ свой цѣвничекъ и въ домѣ остается одна только горничная. Вчера она и горничную куда-то ушла. Я улу-

въ ущельи Азербей съ цѣлью защищать его. Въ видахъ отвлечения горцевъ отъ этого намѣренія, отъ отряда отдѣлена была особая колонна, подъ начальствомъ майора *Гамалія*, къ ауламъ Казуко-Хабль. При появленіи его у этого пункта горцы дѣйствительно оставили ущелье Азербей и отараивлись защищать свои жилища. По этой причинѣ, главная колонна съ обозомъ прошла ущелье безъ потери. Майоръ же *Гамалій*, не смотря на сильное сопротивление горцевъ, уничтожилъ ихъ аулы и дождавшись, когда главная колонна совсѣмъ пройдетъ ущелье Азербей, самъ отступилъ въ него, составивъ арріергардъ отряда при дѣлѣ сѣдованій его. Шапсуги преслѣдовали неотступно наши войска и неоднократно бросались въ шашки на арріергардныя цѣпи. При этомъ отступленіи мы потеряли убитыми и ранеными 3-хъ офицеровъ и 27 нижнихъ чиновъ.

Общая же потеря наша въ продолженіе всей рекогносцировки состоитъ изъ одного убитого и трехъ раненыхъ офицеровъ (*), 4-хъ убитыхъ и 42-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Потеря неприятеля въ людяхъ не извѣстна. Досталось же намъ въ добычу до 700 штукъ разнаго скота и много оружія.

ИЗВѢСТІЯ О РОССИИ.

Закладка памятника тысячелѣтню Россіи.

Малъ 28-го, въ воскресенье, въ Новгородѣ произошло закладка памятника тысячелѣтню Россійскаго государства, безъ особенной наружной обстановки; торжество это имѣло характеръ преимущественно религіозно-патріотической, чему наиболее содѣйствовало участіе въ немъ архіепастыря новгородскаго, высокопреосвященнаго митрополита Исидора.

Освященіе закладки памятника назначено по окончаніи фундамента, когда должны были начаться наружныя работы. Подъ верхнимъ гранитнымъ рядомъ фундамента заложенъ гранитный камень съ вырубленною впадиною для бронзоваго ящика съ доскою, на которой вырваны надписи, указывающія назначеніе памятника и время закладки. Въ тотъ же ящикъ положены главнѣйшія медали, выбитыя въ царствованіе Императора Александра II, и монеты золотыя и серебряныя, отчеканенныя въ 1861 году.

(*) Убиты: стрѣлковаго баталіона Тульскаго Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича полка прапорщикъ *Осмачкинъ*; ранены: того же баталіона подпоручикъ *Шмановскій*, стрѣлковаго баталіона Грузинскаго Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка прапорщикъ *Микладзе* и стрѣлковаго баталіона Мингрельскаго Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Дмитрія Константиновича полка прапорщикъ *Новгородовъ*.

Въ день и часть, для закладки назначенный, главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями, генералъ-адъютантъ Чевкинъ, прибылъ изъ С.-Петербурга къ мѣсту работъ. Вскоре потомъ вышедшій изъ Софійскаго собора крестный ходъ со св. иконами и хоругвями, сопровождаемый жителями Новгорода, направился къ мѣсту памятника и вошелъ въ устроенный надъ нимъ шатеръ. Шатеръ этотъ, въ діаметрѣ и высотой до 40 сажень, не имѣя никакихъ подпоръ, составляетъ сооруженіе, замѣчательное легкостью, смѣлостью и съ тѣмъ вмѣстѣ прочностью. Внутренность его и приготовленные для работъ леса были убранны гирляндами и вѣнками изъ свѣжей зелени и цвѣтвъ.

Молебствие въ водосвятіемъ совершено высокопреосвященнымъ митрополитомъ Исидоромъ на самомъ фундаментѣ памятника, среди огромныхъ восьмидесятифутовыхъ камней отличнаго сердобольскаго гранита, совершенно обтесанныхъ, отполированныхъ и назначенныхъ для нижняго ряда pedestala.

По освѣщеніи воды, у самаго мѣста закладки, ректоръ семинаріи, архимандритъ Макарій, произнесъ приличное слово. Затѣмъ положенъ на мѣсто бронзовыя ящикъ и его высокопреосвященство, окропивъ святою водою мѣсто закладки и приготовленные каменщицью лопатку и молотокъ, положилъ первый камень для закладки бронзоваго ящика; второй камень положилъ генералъ-адъютантъ Чевкинъ, слѣдующіе камни—начальникомъ Новгородской губерніи, губернскимъ предводителемъ дворянства, градскимъ главою и другими присутствовавшими лицами, въ томъ числѣ составителемъ проекта памятника, даровитымъ художникомъ Микшинымъ и строителемъ оного, инженеръ-генералъ-майоромъ Евреиновымъ. По задыкѣ ящика, впадина въ гранитѣ закрыта бронзовою доскою и тотчасъ же положенъ камень верхняго ряда фундамента.

Послѣ этого совершенно обратнo шествіе въ Софійскій соборъ, а оттуда все присутствовавшее, по приглашенію высокопреосвященнаго митрополита, собрались въ его комнаты.

Во время завтрака, его высокопреосвященство провозгласилъ здравіе Августѣйшаго Государа Императора и благоденствіе Россіи. Троекратно громкое ура было ему отвѣтомъ и затѣмъ пропѣтъ народный гимнъ: «Боже, Царя храни!»

По окончаніи церемоній, въ шатеръ надъ памятникомъ дозволенъ входъ всемъ желающимъ. Многочисленные посѣтители всѣхъ сословій разобрали все вѣнки и гирлянды, въ память совершавшагося торжества. (Моск. В.)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По словамъ одного изъ корреспондентовъ газеты «Ind. Belge», вопросъ о признаніи Франціею Итальянскаго

Королевства встрѣтилъ въ первомъ совѣтѣ министровъ, гдѣ его обсуждали, энергическое сопротивленіе со стороны императрицы Евгеніи, которая горячо заступилась за папу, и даже упрекала г. Персилья въ томъ, что онъ болѣе защищаетъ политическія наклонности принца Наполеона, чѣмъ это подобаетъ министру императора. Но при всемъ томъ признаніе было рѣшено и г. Тувенель немедленно отправилъ въ Туринъ ноту на имя г. де-Ренвали. Въ этомъ документѣ министръ говоритъ, что признаніе королевства и возобновленіе съ нимъ дипломатическихъ сношеній не влечутъ за собою ни одобренія политики сардинскаго правительства, ни общаго содѣйствовать доверенію начатаго дѣла. Далеѣ, г. Тувенель убѣждалъ итальянское правительство соблюдать благоразуміе и умѣренность, необходимыя для упроченія того, что теперь фактически существуетъ. Французская армія будетъ по прежнему занимать Римъ, для огражденія въ немъ интересовъ, которые она защищаетъ уже двѣдцать лѣтъ. Относительно Венеціанской Области, г. Тувенель напомнилъ правительству короля Виктора-Эммануила, что императоръ продолжаетъ считать себя связаннымъ, въ отношеніи къ Австріи, подписаніемъ вюрхскаго трактата. Европейскимъ кабинетамъ циркулярно дано знать о возобновленіи дипломатическихъ сношеній съ туринскимъ дворомъ. Кроме того, готовится еще два другіе документа — одинъ для вѣнскаго двора, а другой для папскаго: оба написаны въ духѣ ноты, сообразно съ отношеніями Франціи къ этимъ двумъ правительствамъ.

Другой парижскій корреспондентъ газеты «Ind. Belge» сообщаетъ, что нѣкто, хорошо-знакомый съ смысломъ и значеніемъ акта, которымъ Франціи утвердила существованіе новаго Итальянскаго Королевства, сказалъ недавно: «Министерское правительство признаетъ скорее итальянскаго короля, чѣмъ Итальянское Королевство».

— Вотъ текстъ ноты г. Тувенеля. Парижъ, 6-го июля.

М. г. Я получилъ ноту вашу, отъ 28-го мая, въ которой вы выражаете желаніе вашего правительства условиться съ императорскимъ правительствомъ насчетъ средствъ къ окончательному поддержанію свѣтской власти папы, по соглашенію между католическими державами. Г. посланникъ, съ своей стороны, исполнилъ порученіе, возложенное на него съ тою же цѣлью. Первымъ долгомъ моимъ было передать его величеству эти важныя сообщенія и теперь я имѣю возможность отвѣчать на нихъ. Чувства, внушенныя правительству положеніемъ святаго отца, совершенно-сообразны съ тѣми, какія питаеть само императорское правительство. Оно столько же онакливаю, сколько осужда-

чилъ эту минуку и послалъ съ письмомъ Кролика (знаешь—этохъ лихой солдатикъ нашей роты?), строго приказавъ не говорить отъ кого. Кроликъ никого не нашолъ въ домѣ, и оставилъ письмо на столѣ въ ея комнатѣ.

— Вотъ какъ! значить, она нашла его нечаянно и не знаетъ, какимъ путемъ оно попало къ ней... Это отчасти хорошо, если она женщина съ романтическимъ воображеніемъ. Только теперь надо стараться, чтобы и слѣдующія письма, если придется писать, доставлять также таинственно.

— Ахъ, Кости, какой ты молодецъ! воскликнулъ въ восторгѣ Гребинскій:—я вотъ не знаю, какъ за дѣло вѣдаться; а тебѣ все пріемы знакомы... Вѣрно самъ былъ влюбленъ и частенько приходилось писать записочки?

— Пить, ужъ пожалуста!... Влюбленъ-то я не былъ никогда, а любовныхъ записокъ на своемъ вѣку роздалъ не малое количество.

— Какъ-же это такъ—не былъ влюбленъ, а объяснялся... И при томъ, самъ отдавалъ... Развѣ самому можно?

— Известно, можно. Это было давно; я еще въ Москвѣ жилъ. Какъ-то разъ не удалось мнѣ уѣхать на дѣло въ деревню, да и на Воробьевы-горы не съ чѣмъ было сунуться. Вотъ я и остался жариться у себя въ замоскворѣчьи. Скуча смертная! Бывало, ждешь, не дождешься всемошной. Ударилъ въ колоколъ,—и отправляешься. А у самаго въ карманѣ заготовлено нѣсколько записочекъ страстнаго свойства. Стараясь придти когда народу соберется ужъ довольно и станешь между женщинами. Вотъ и высматриваешь, которая подучше: станешь къ ней поближе, да за бурнусь—дергъ. Она оглянется: тутъ и сунешь ей въ руку бумажку. Другая, случалось, брать не хочется;—такъ такую важную рожу ей скорчивъ и такъ замигаешь, что она и шевельт что подумаетъ. Возьметъ изъ любовнаго. Потомъ пробираться на другую сторону. Разъ попалъ я въ просакъ. Вижу: стоитъ впереди менши женщина, маленькаго роста, съ необыкновенно-тонкой и граціозной таліей. Подвинулся я къ ней, сталъ плечо съ плечомъ; а лица все-таки не видно за полями шляпки. Вотъ показавшись она въ землю и я тоже, да въ это время и вручилъ цидулку. Она сейчасъ-же развернула... А начало было величавое: *обожаемая незнакомка!*... Стою я и жду, что будетъ. Какъ обернулась она ко мнѣ—я такъ и замеръ!... Старая-престарая, сморщенная, цочь

крочкомъ!... Обернулась, да и говоритъ: «Аль у тебѣ глаза-то повылзли, грѣховодникъ ты эдакой. Не видишь, нешто, что я тебѣ въ бабушки гожусь? Вотъ погоди: отцу Сергію скажу—онъ те на колъвики поставитъ...» Со всемъ сконфузила старая!...

— Такъ ты вотъ какъ... проговорилъ разочарованный Гребинскій:— а я думалъ, ты въ самомъ дѣлѣ...

— И тебѣ не совѣтую «въ-самомъ-дѣлѣ». Вотъ хоть бы теперь загнѣлъ ты съ этой госпожей.... Это что значить? вдругъ прервалъ самого себя Колоколникъ, смотря въ окно;—докторъ зачѣмъ-то къ намъ идетъ... Не люблю я этого барина: глаза у него какіе-то недобрые.... Прими его, Гребинскій; а я пойду, лошадей поемтрю. Цыбули говоритъ, что астрономія дѣйствуетъ на ихъ разрушительно...

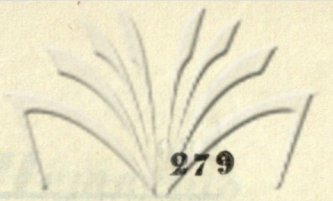
Колоколникъ поспѣшно вышелъ въ одну дверь; въ то-же время на порогѣ другой появилась тощая фигура доктора Дзвинскаго.

Станиславъ Эмериковичъ Дзвинскій, за какія-то политическія продѣлки, былъ сосланъ на Кавказъ солдатомъ и тинуль лямку лѣтъ четырнадцати. По производствѣ въ офицеры, онъ выхлопоталъ позволеніе снова держать экзамени и переменивался въ прежнее свое званіе. Получивъ первоначальное воспитаніе въ иезуитскомъ коллегіумѣ, онъ на всю жизнь остался непоколебимымъ приверженцемъ правды послѣдователей отца Лойолы,—и не имѣлъ повода раскаиваться въ этомъ. Уже на что кажется не завидна судьба разжалованнаго, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни протекціи; но Станиславу Эмериковичу и въ строй шинели было не худо. Пристроился онъ въ одинъ многосемейный домъ дѣтей учить, да мало-по-малу прибрѣлъ тамъ такое вліяніе, что сдѣлался почти полновластнымъ хозяиномъ. Въ этомъ семействѣ онъ воспиталъ дѣвушку, на которой впоследствии женился его полковой командиръ. Свагомъ былъ все онъ-же, Станиславъ Эмериковичъ, и что называется, однимъ камнемъ убилъ двухъ зайцевъ. Родители молодой дѣвушки считали его своимъ благодѣтелемъ и поступали въ отношеніи къ нему въ этомъ смыслѣ; а сама она, сдѣлавшись полковой командиршей, употребляла все средства, чтобы отблагодарить Станислава Эмериковича за хорошую партію, которую

сдѣлала по его милости. Скоро Дзвинскій сталъ любимцемъ полковаго командира, и постепенно и имъ овладѣлъ такъ, что тотъ безъ его совѣта не приступалъ ни къ какому серьезному дѣлу. Право, даже зло беретъ, какъ подумаешь отъ кого иногда зависитъ судьба нѣсколькихъ тысячъ людей... Не одну карьеру составилъ, и не одну разрушилъ Станиславъ Эмериковичъ. А желаніе получить галуны, или крестъ, могли обращаться прямо къ нему, гарантируя свою просьбу извѣстными числомъ подумиерьляловъ. Но не долго продолжалось царствованіе Станислава Эмериковича: патронъ его сдалъ полкъ и получилъ другое назначеніе, уснявъ, впрочемъ, выхлопотать ему чинъ и возвращеніе прежняго званія. Вотъ тутъ-то пришлось Станиславу Эмериковичу не совсѣмъ хорошо: отделился волку овечьи слезки. Новый полковой командиръ былъ человекъ правдивый; онъ давно слышалъ, что за субъектъ этотъ г. Дзвинскій, и принявъ полкъ, даже близко не подпускалъ его къ себѣ. Дзвинскій сталъ хитрить и кланяться еще больше: сдѣлался вѣжливъ и предупредителенъ до отвращенія даже съ тѣми, на кого прежде смотрѣлъ не хотѣлъ... да пить, не выезло. Насмѣшки и презрѣнія были отвѣтомъ на все его уловки. Но Станиславъ Эмериковичъ не унывалъ. Види, что пора его здѣсь прощія, онъ рѣшился, во что бы ни стало, перенестись въ другое мѣсто, а такъ какъ ему наскучило ужъ пресмыкаться, да и пора была подумать о тепломъ углѣ подъ старость, то получилъ въ завѣдываніе госпиталь, хоть небольшой сначала, стало его цѣлью; а онъ шолъ къ этой цѣли, по своему обыкновенію, не торопясь, но твердо и вѣрнымъ путемъ.

Дружескія отношенія его къ т—те Лозановой объясняются очень просто. Онъ лечилъ ея мужа во время его послѣдней болѣзни, и лечилъ, надо отдать ему справедливость, усердно и дѣльно. Но майоръ Лозановъ попалъ къ нему на руки уже тогда, какъ болѣзнъ была запущена и онъ перепробовалъ нѣсколько методовъ леченія, вслѣдствіе чего и отправился къ праотцамъ, не смотря на все усилія Дзвинскаго удержать улетающую жизнь.

Оставшись на двадцать второмъ году отъ роду, совершенно одинокою на свѣтѣ, Вѣра Павловна рада была привязаться къ кому-нибудь и самымъ теплымъ, родственнымъ чувствомъ привязалась къ Станиславу Эмериковичу, который по-видимому вполне заслуживалъ этого, потому-то

до нападеніе, произведенное на Папскую Область, и если важныя политическія соображенія, принятія во вниманіе въ то время и Австріей и Испаніей, не позволили ему дѣйствовать противъ совершившихся событій, то оно ничѣмъ не пренебрегло для ограниченія ихъ послѣдствій. Корнусь, занимающій Римъ, былъ увеличенъ безъ замедленія, и папа, имѣя возможность безопасно жить въ своей столицѣ, посреди бури, волновавшей Италію, былъ обязанъ присутствію французскихъ войскъ сохраненіемъ части своихъ владѣній. Такими поступками, которымъ, не могу не сказать этого съ удовольствіемъ... правительство не колеблется отдавать должную справедливость, императорское правительство выказывало и выказываетъ неизмѣнное расположеніе свое къ главѣ церкви. Шаткое положеніе, въ какое обстоятельства поставили свѣтскую власть папы, тѣмъ-менше, возбуждаетъ тяжкія заботы между католическими націями и такъ-какъ для спокойствія совѣстей весьма-важно, чтобы столь-серьезные вопросы не оставались долго нерѣшенными, то правительства конечно обязаны соединить усилія свои, для того, чтобы упростить ихъ и облегчить ихъ разрѣшеніе. Я, однако, не считаю нужнымъ подробно разсматривать здѣсь систему, по которой папскія владѣнія и городъ Римъ должны были бы соотвѣтствовать, такъ-сказать, выморочное имущество, принадлежащее всему католичеству и поставленное, на основаніи права, которое нигдѣ не написано, выше правъ, управляющихъ судьбою другихъ государствъ. Ограничусь только тѣмъ, что напомию, что ученіе это не оправдывается ни старыми, ни новыми историческими преданіями, и что Англія, Пруссія, Россія и Швеція—державы не католическія, подписали въ Вѣнѣ, на такомъ же основаніи, какъ и Франція, Австрія, Испанія и Португалія, трактаты, возвращившіе папѣ утраченныя имъ владѣнія. Высшія соображенія и величайшіе общественные интересы—свѣшу провозгласить это—требуютъ, чтобы глава церкви могъ удержаться на престолѣ, который предшественники его занимали уже столько вѣковъ: мнѣніе, на этою счетъ, императорскаго правительства весьма-твердо—но оно думаетъ также, что разсудительное пользованіе верховной властью и согласіе населеній составляютъ въ Папской области, какъ и вездѣ, первыя условія прочности власти. Важнѣйшія опасности, угрожающія теперь свѣтскому самодержавію папы, прорекетаютъ правда извѣстны, и если знаніе Рима удовлетворяетъ потребностямъ настоящаго, то будущее остается подверженнымъ случайностямъ, которыя мы искренно желали бы предотвратить. Австрія и Испанія приглашаютъ насъ къ этому дѣлу, но не указываютъ на совокупность средствъ,

хорошивъ пациента, обратился къ вдовѣ его съ самымъ нужнымъ отеческимъ участіемъ. Если бы Вѣра Павловна родилась на Кавказѣ, то, конечно, не потерялась бы въ своемъ безпомощномъ положеніи (удивительно практичны кавказскія барыни!); но дѣло въ томъ, что она совершенно не знала Кавказа, да и вообще, въ дѣлѣ жизни была настоящимъ ребенкомъ. Покойный майоръ взял ее въ одной изъ сѣверныхъ губерній, въ бытность свою тамъ въ отпуску. Вѣра Павловна, въ ранней молодости лишившаяся родителей, которые не оставили ей ничего, кромѣ добраго имени, жила въ то время у своей дальней родственницы, женщины высокомерной и деспотической, которая, давъ ей порядочное воспитаніе, требовала въ замѣнъ безусловнаго рабскаго повиновенія. Встрѣтившись съ майоромъ въ домѣ однихъ общихъ знакомыхъ, она ему понравилась и когда онъ сдѣлалъ предложеніе—съ радостью отдала руку, не спрашивая себя: какого рода чувство питаетъ она къ своему жениху? Ей было не до того: она готова была куда бы то ни было убѣжать изъ дома родственницы. Горекъ вообще чужой хлѣбъ; но если онъ обилъ жолчью и посыпанъ насѣшками—это, просто, токсикологическій продуктъ. Поздно увидѣла бѣдная женщина, что она не можетъ любить стараго ворчуна—мужа. Не въ ея власти было призвать любовь, и она замѣнила ея чувствомъ болѣе спокойнымъ, но за то и болѣе прочнымъ—благодарностью. Она терпѣливо сносила капризы и неосновательную ревность мужа и почти не показывалась въ обществѣ. Впрочемъ, и тогда, какъ стала полною хозяйкою своихъ дѣйствій, она держала себя не иначе. Ее, отъ природы кроткую и религіозную, пугалъ цинизмъ того общества, въ которое бросила ее судьба. Молодой вдовѣ, воспитанной совершенно въ другихъ правилахъ, становилось страшно въ этой растлѣвающей атмосферѣ, и самымъ искреннимъ желаніемъ ея было какъ можно скорѣе уѣхать съ Кавказа. Она ожидала только, пока ей разрѣшатъ пенсію послѣ мужа. Последняго намѣренія не зналъ г. Дзевинскій и ухаживалъ за Вѣрой Павловной не совсѣмъ-то безкорыстно. Дружба его къ ней основывалась на слѣдующемъ соображеніи: «Въ наше время женщины всесильны и потому благоразумный человѣкъ не долженъ упускать случая подслужиться хорошей женщиной. Не дурило бы — чортъ возьми!—свести вдовушку съ нашимъ принципомъ... Онъ

какія должны быть употреблены для его совершенія, а между-тѣмъ нѣкоторыя объясненія съ ихъ стороны были бы тѣмъ-необходимѣе, что положеніе ихъ, въ-отношеніи къ Италіи, разнится съ извѣстной точки зрѣнія отъ положенія Франціи. Мы съ сожалѣніемъ видимъ, что постановленія вилафранкскія и цюрихскія не совершенно приведены въ исполненіе, и желали бы, чтобы монархія Обѣихъ Сицилій не была низвергнута; однако ходъ событій, хотя и противный желаніямъ императорскаго правительства, не поддѣлывалъ на него такъ прямо, какъ на дворы вѣнскій и мадридскій. Не одобряя того, что произошло, не желая прикрывать нашей гарантіей существованія новаго порядка вещей, мы не удерживаемся отъ вступленія въ нормальныя сношенія съ итальянскимъ королевствомъ никакими династическими интересами, и препятствіе къ его признанію заключается для насъ только въ затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ римскими дѣлами. Можемъ ли мы надѣяться, что Австрія и Испанія будутъ расположены отнынѣ же смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, и что заботливость ихъ къ папскому престолу одержитъ верхъ надъ всякимъ другимъ частнымъ соображеніемъ? Вотъ вопросъ, который я предлагаю скорѣе себѣ, нежели вамъ; но самое сомнѣніе, имъ возбужденное, и послѣдствія, изъ него вытекающія, не позволяютъ мнѣ съ такою тошнотой, какъ бы слѣдовало, оцѣнить свойство общихъ дѣйствій, предложенныхъ... правительствомъ. Не скрою отъ васъ, м. г., что такъ-какъ спасшія миръ Европы принципы невмѣшательства исключаютъ теперь, какъ и годъ назадъ, употребленіе силы, то въ нашихъ глазахъ существуетъ тѣсная связь между утвержденіемъ фактовъ, столь-значительнымъ образомъ измѣнившихъ положеніе полуострова, и разрѣшеніемъ римскаго вопроса. Итакъ, императорское правительство было очень-радо, еслибы Австрія и Испанія почти возможнымъ вступать также на единственный путь, могущій, какъ ему кажется, повести безъ новахъ потрясеній къ практическому результату—но во-всякомъ случаѣ, оно, не колеблясь, можетъ дать увѣреніе, что съ своей стороны не приступитъ ни къ какой комбинаціи, несомвѣстной съ уваженіемъ, какое питаетъ къ независимости и достоинству папскаго престола, и несогласной съ цѣлью пребыванія войскъ его въ Римѣ. Примите, и проч. *Тувенель*».

— Изъ Парижа пишутъ, отъ 17-го іюня: «Сегодня служили въ церкви св. Магдалины торжественную панихиду въ память графа Кавура. Церковь, обтлупая чернымъ сукномъ и украшенная связками знаменъ, была наполнена пестрою толпою посвѣтителей. Службу совершалъ настоятель,

охотникъ до этой дичи... Черезъ нее можно бы было получить кое-что...»

Вотъ этотъ-то господинъ явился, въ одно прекрасное утро, въ квартирѣ нашихъ друзей и появленіемъ своимъ прервалъ ихъ интересную бесѣду.

— Малости прошу, докторъ, говорилъ на встрѣчу ему Гребницкій, подвигая къ столу большое кресло.—Пожалуйте.

Дзевинскій, переступивъ за порогъ, бѣглымъ взглядомъ окинулъ комнату; но дальше не пошелъ.

— Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ насчетъ, г. Гребницкій: могу я сдѣлать это здѣсь?

— Сколько вамъ угодно, отвѣчалъ изумленный Гребницкій.

— Мы одни здѣсь?

— Совершенно одни.

— А вашъ товарищъ?

— Его нѣтъ дома.

Дзевинскій медленно подошелъ къ столу, досталъ изъ кармана бумажникъ, а изъ бумажника вчетверо-сложенный и мелко-исписанный листъ почтовой бумаги и, поднесъ его къ глазамъ Гребницкаго, спросилъ:

— Это вы писали?

Гребницкій оробѣлъ. Онъ узналъ свое письмо къ m-me Лозановой.

— Это не я... пробормоталъ онъ, какъ пойманный въ шалости школьникъ.

— Не отпирайтесь, я знаю вашъ почеркъ. Да вотъ и подпись—А. Г.—Алексѣй Гребницкій... Кажется, ясно.

Дзевинскій говорилъ такъ спокойно и въ тоже время увѣренно; смотрѣлъ на Гребницкаго такимъ строгимъ взглядомъ, что тотъ окончательно струслилъ.

— Право, не я... Это все Колокольниковъ, чуть-чуть не прибавилъ было онъ; но, къ счастью его, Дзевинскій не далъ ему договорить.

— Знаете-ли, куда это можетъ привести васъ? спросилъ онъ.

Гребницкій молчалъ. Жалко было смотрѣть на его потерянную физиономію. Еслибы въ эту минуту увидѣлъ

аббатъ Дегерри. Многія почетныя лица присутствовали на этомъ обрядѣ и въ числѣ ихъ: маркизъ Вальманъ, министръ императорскаго двора, г. Перинья, министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Тувенель, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Моринъ, предсѣдатель Законодательнаго Состоянія, маршалъ Маньянъ, г. Ла-Героньеръ. Сверхъ того, въ церкви находилось все туринское посольство, а также и перидекое. Въ числѣ посвѣтителей были еще многіе поляки, венгерцы, депутаты высшихъ учебныхъ заведеній, піомонтскіе офицеры, нѣсколько гарибальдийцевъ. Редакція большей части журналовъ тоже прислала своихъ представителей.»

— Газета «Италія» опровергаетъ извѣстіе, сообщенное «Цисарской Газетой», будто графъ Кавуръ оставилъ состояние въ 24 милліона, нажитое имъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ участіемъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Графъ Кавуръ наследовалъ отъ своего отца два милліона лиръ и это состояніе не увеличилось и не уменьшилось во-время его управленія министерствомъ.

— Говорятъ, что къ султану хотѣли пригласить одного знаменитаго врача изъ Парижа, но потомъ передумали, потому-что, по общему мнѣнію лицъ, посвященныхъ въ тайны гарема, болѣзнь Абдуль-Меджида была неизлечима. Ожидаемая кончина его возбуждаетъ въ политическомъ мѣрѣ большія заботы: она можетъ породить анархію и раздоръ въ имперіи, а слѣдовательно и вмѣшательство со стороны державъ; отсюда возникновенію вновь восточнаго вопроса со всеми его послѣдствіями. Ко всему этому присоединяется, независимо отъ сирійскаго вопроса, еще вѣроятность столкновенія въ Венгріи, вслѣдствіе открыто-выражаемаго намѣренія итальянской партіи оказать помощь венгерцамъ: лица, близко-знакомыя съ барономъ Риказони, думаютъ, что онъ, быть-можетъ, легче и скорѣе поддастся увлеченіямъ такого рода, чѣмъ г. Кавуръ. Судя по всему этому, можно опасаться послѣдствій возмущенія въ Цестѣ, даже если оно въ началѣ и будетъ имѣть размѣры самыя-незначительныя. Во всякомъ-случаѣ, политическій горизонтъ не можетъ быть названъ теперь безоблачнымъ.

Г. Пиетри дѣйствительно находится нынѣ на островѣ Сардиніи, въ гористомъ и почти неприступномъ Сассарійскомъ округѣ — но можно положительно сказать, что это не находится въ-связи съ проектомъ уступки острова, о которомъ такъ-много говорили. Гораздо-болѣе дѣйствительно и рационально, чѣмъ уступка Сардиніи, ожидаемое присоединеніе къ Франціи города Ушды, на границѣ Алжиріи и Марокко—котораго французы давно добиваются, потому-что онъ всегда былъ центромъ и сборнымъ мѣстомъ фанатическихъ племенъ, совершающихъ набѣги на

его Колокольниковъ, онъ непременно пришолъ бы въ ярость и разразился какими-нибудь стихами карающаго свойства.

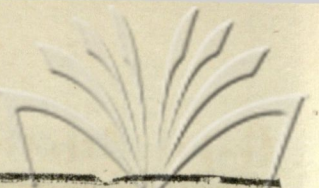
— M-me Лозанова не то, что быть можетъ вы думаете, продолжалъ Дзевинскій:—она выше всякихъ волокитствъ и я долженъ сказать вамъ, что если вы не оставите вашихъ искательствъ, она вынуждена будетъ принять свои мѣры. Скажу больше. Въ ней принимаетъ участіе одно очень важное лицо, до котораго если дойдутъ ваши предѣлки, такъ вамъ не только въ Кавказскомъ корпусѣ, а во всей русской арміи мѣста не будетъ (Гуть очевидно Дзевинскій вралъ—дѣлалъ изъ мухи слона). Поберегитесь себя, молодой человекъ. Она обратилась ко мнѣ, какъ къ другу, прося защититъ ее отъ вашихъ нападеній, и согласитесь—я, какъ благородный человекъ, не могъ отказать ей въ этомъ. Вотъ почему я вмѣшиваюсь въ дѣло, которое, повидимому, нисколько до меня не касается. Надѣюсь, что вы впередъ не позволите себѣ ничего подобнаго.

Дзевинскій положилъ злосчастное письмо опять къ себѣ въ карманъ и удалился, даже не поклонившись Гребницкому.

А m-me Лозанова и не думала приносить ему никакихъ жалобъ и вовсе не просила его заступничества. Онъ засталъ ее за чтеніемъ этого письма и вида необыкновенное волненіе молодой женщины, присталъ къ ней съ вопросами о причинахъ этого волненія и, съ свойственнымъ ему искусствомъ, успѣлъ вывѣдать что хотѣлъ. Письмо-же она отдала ему машинально, или, лучше сказать, въ жаркомъ разговорѣ не замѣтила, какъ онъ взял его у нея изъ рукъ.

«Скверная штука, подумалъ Дзевинскій,—этотъ мальчишка, чего добраго, вскружитъ ей голову... Она же кажется, еще ни разу не любила... Плохо, чортъ возьми!... Эдакъ нечѣмъ будетъ при случаѣ и принципаду удружить...» И онъ отиралился пугать Гребницкаго, въ чемъ, какъ мы видѣли, и успѣлъ.

(До слѣд. №.)

французскія владѣнія. Эта уступка, если она состоится, будетъ справедливою наградою за усилія, употребленныя теперь Франціею, предупредить новый разрывъ между Испаніею и Марокко.

Говорятъ, что графъ Пурталесъ повезетъ императору Наполеону собственноручное письмо отъ короля Вилгельма, съ приглашеніемъ на маневры 7-го и 8-го корпусовъ, которые будутъ происходить въ нынѣшнемъ году на Рейнѣ.

Генуэзская газета «Movimento» извѣщаетъ, что баронъ Риказольи поѣдетъ къ императору Наполеону въ Виши—для того, чтобы болѣе ознакомиться съ его вѣтами и добился полнаго согласія съ нимъ, подобнаго тому, какое существовало при министерствѣ Кавура, между кабинетами тюльрийскимъ и турецкимъ.

Императоръ поѣдетъ въ Виши не раньше 5-го іюля (23-го іюня), а императрица останется, во время его отсутствія, въ Фонтенбло и только въ концѣ іюля отправится въ Биаррицъ. Въ теченіе этого мѣсяца, гг. де-Морни, Руэ и Барошъ также поѣдутъ въ Виши, но первый останется тамъ не долго, а проведетъ конецъ лѣта на гомбургскихъ водахъ.

«Смерть Кавура была бы для Италіи—кораблекрушеніемъ въ виду пристани»—говоритъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ корреспондентъ газеты «Times».

Но, по старинному повѣрью, чѣмъ ужаснѣе бѣдствіе, тѣмъ ближе спасеніе—и кончина знаменитаго министра имѣла на Италію свое благотворное дѣйствіе подобно тому, какъ принесла ей пользу два другіе удара, постигнушіе эту страну въ послѣдній періодъ ея существованія: поварское изреченіе и виллафранкскій миръ. Можно сказать съ достовѣрностію, что графъ Кавуръ ничѣмъ не приобрѣлъ себѣ столько приверженцевъ между своими соотечественниками, какъ своей смертію: ванага на Риказольи, они шатаютъ Кавура. Партія маджинистовъ, самыхъ отчаянныхъ враговъ его, значительно ослабла въ виду его свѣжей могилы и даже нѣкоторые органы партіи движенія стараются доказать, что теперь насталъ конецъ враждъ и пора приступить къ дружному дѣйствію. Самъ Мадзини, привившійся было вторить тѣмъ беззащитнымъ газетамъ, которыя продолжали, по-прежнему, осмѣивать почившаго министра язвительными угрозами—не остался въ выгоду: приверженцы покидаютъ его одинъ за другимъ и популярность его страдаетъ теперь точно такъ же, какъ и въ ту минуту, когда онъ сказалъ о великодушномъ Викторѣ-Эммануилѣ, сржавшемся при Палестро и Маджентѣ: «Вѣрите ли: этотъ человекъ подлѣ концы точно такъ же измѣнитъ Италіи, какъ измѣнилъ его отецъ». Видя теперь свое относительное одиночество, Мадзини рѣшается наконецъ поправить свою ошибку и доводится до того объявленіемъ, что въ случаѣ надобности будетъ дѣйствовать и безъ помощи министра-президента. Вообще его поступки не заключаютъ въ себѣ той рѣзкой оппозиціи, какая видна въ программѣ, приложенной имъ нѣсколько дней тому назадъ изъ Лондона, въ редакцію преданной ему газеты «Unita italiana», гдѣ онъ по обыкновенію напоминаетъ, что Италія хочетъ быть Италіею, а не расширеннаго Пьемонта; встаетъ на томъ, что Римъ и Венеція должны быть свободны и требуетъ, чтобы министерство заключило съ страной національный договоръ (patto nazionale), который долженъ быть продиктованъ въ Римѣ представителями всей Италіи. Съ благоразумною умѣренностію дѣйствуетъ и г. Ратацци.

Это обстоятельство значительно облегчаетъ первые шаги г. Риказольи на его новомъ поприщѣ. Законы проходятъ въ парламентѣ почти единогласно, не встрѣчая почти никакой оппозиціи. Нѣдѣльнѣ единогласно утверждены проектъ о сдѣлани государственныхъ долговъ раздѣльныхъ странъ Италіи въ одинъ долгъ. Этотъ проектъ утвержденъ единогласно и во-время преній о немъ не было ни одного члена, который отвергалъ бы существованіе долга, а раздѣленіе существовало раздѣ только относительно нѣкоторыхъ частей. На другой день происходила пренія о національномъ вооруженіи, немѣншая, впрочемъ, особеннаго политическаго интереса. Г. Петруццелли дель-Гаттинѣи, извѣстный по своимъ очеркамъ личности членовъ парламента—возвысилъ голосъ не въ пользу закона, усиливаясь доказать, что онъ не нуженъ.

Но здѣсь корреспондентъ «Indépendance Belge» указываетъ на одно обстоятельство, которое не должно быть пропущено безъ вниманія. Во-время преній о національномъ долгѣ, депутатъ Греко предложилъ постановить опредѣленіе слѣдующаго содержанія: «Палата, утверждая законъ о сдѣлани государственнаго долга во-едино, желаетъ сохранить неприкосновенными права націи на имущество домовъ дотаринскаго и бурбонскаго, по принятіи стонки иностранныхъ войскъ, призванныхъ этими домами и содержащихся насчетъ гражданъ». Г. Мингетти воспротивился принятію такого постановленія; но палата утвердила

его, вопреки возраженію министра. Это—новость для Италіи: при жизни графа Кавура никогда не бывало примѣра, чтобы парламентъ утверждалъ какой бы то ни было законъ наперекоръ желанію министровъ... Спрашивается: что же значить этотъ фактъ? Служитъ ли онъ доказательствомъ слабости правительства?... Мы съ своей стороны воздержимся отъ слишкомъ поспѣшнаго сужденія: до сихъ поръ мы видимъ изъ него только то, что г. Риказольи поступилъ въ этотъ разъ либеральнѣе, чѣмъ поступилъ бы Кавуръ, и не стѣсняется жертвовать личными воззрѣніями своихъ соотечественниковъ требованіямъ большинства представителей націи, особенно если воззрѣнія министровъ несогласны съ его собственнымъ мнѣніемъ. Что г. Мингетти не понравился проектъ г. Греко—тутъ имѣть ничего удивительнаго: г. Мингетти слишкомъ ясно высказалъ свои убѣжденія въ проектѣ о раздѣленіи Италіи на «страны», гдѣ онъ явился защитникомъ самой-строгой децентрализаціи, желая сохранить каждой «странѣ» ея особенный характеръ. Но послѣдовать въ настоящемъ случаѣ его совѣту и оставить, такимъ-образомъ, въ нѣзвѣстныхъ частяхъ новаго королевства столь-замѣтные и глубокіе слѣды прежняго порядка вещей, не значило ли бы посягнуть на цѣлость общей отчизны и на ея безопасность въ будущемъ? Поэтому нельзя осуждать г. Риказольи за то, что онъ въ настоящемъ случаѣ вынулъ голову парламентскаго большинства. Это заслуживаетъ тѣмъ-болѣе вниманія, что г. Риказольи извѣстенъ настойчивостію и непреклонностію своего характера.

И такъ безрешетливое принатіе парламентомъ закона доказываетъ, что крики маджинистовъ и гарибальдійцевъ на-время утихаютъ, подавляемые общимъ горемъ. Тѣмъ-менѣе, программа, обнародованная Мадзини и упомянутая нами въ началѣ статьи, имѣетъ свою важность: выставленные въ ней принципы явятся снова на первый планъ и явятся, быть можетъ, скорѣе, нежели думаютъ теперь. Лучшимъ тому доказательствомъ служить повѣденіе Гарибальди на Каперѣ.

Одновременно съ кончиною Кавура разнеслись слухи и о болѣзни знаменитаго вождя итальянскаго единства, и также—какъ мы извѣдали въ свое время—о его намѣреніи удалиться въ Америку. Эти извѣстія до такой степени встревожили генуэзцевъ, что они рѣшились немедленно отправить на Каперу депутацію, для разъясненія этого дѣла. Вотъ, слово-въ-слово, отвѣтъ бывшаго диктатора: «Скажите всѣмъ, кто васъ объ этомъ спроситъ—что Гарибальди ставитъ пользу своей отчизны выше всего, и никогда не будетъ жертвовать жизнью въ чужой борьбѣ, пока его собственное отечество имѣетъ право и поводъ требовать этой жизни, для своего освобожденія. Прибавьте также, что теперь было бы всего-менѣе кстати сражаться на чужой землѣ, когда предстоитъ борьба за независимость Италіи и освобожденіе отъ иноземнаго ига.» Эти слова обращены разумеемъ къ Австріи и, по всей вѣроятности, имѣютъ то же значеніе, какъ и прошлагодня предсказанія Гарибальди о мартовской экспедиціи минувшаго года. Теперь, какъ и тогда, они дойдутъ прямо по адресу и не премнутъ произвестись свое дѣйствіе: охрана Венеціи, уже столь дорогой для императорскаго правительства, станетъ ему еще-ближе къ сердцу. Но подтвержденія, произносимыя бывшимъ диктаторомъ, вслушиваются съ глубокимъ вниманіемъ его соотечественниками, въ которыхъ они поддерживаютъ энергію.

(Слб. Вѣд.)

Туринская палата депутатовъ, такъ быстро окончившая общія пренія о проектѣ закона Гарибальди относительно національнаго вооруженія, гораздо медленнѣе разсматриваетъ отдѣльныя статьи его. Такъ, напримеръ, 21-го (9-го) іюня она приняла изъ двадцати-пяти только три. Измѣненіе, предложенное предводителемъ лѣвой стороны, г. Де-Претивоомъ и встрѣтившее противодѣйствіе со стороны министерства, позволило этой части собранія сосчитать свои силы. Измѣненіе было отвергнуто; по слову туринскаго корреспондента «Ind. Belge», крайняя оппозиція въ палатѣ распадается 70—75 голосами.

Генеральный секретарь турецкаго министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Каруити, который подалъ въ отвѣтку послѣ кончины г. Кавура, согласился остаться на своемъ

мѣстѣ, по просьбѣ барона Рихтца, развѣсившаго не ожидавшихся надеждъ, для того, чтобы его не обвинили въ фаворитизмѣ къ тосканцамъ и другимъ партиямъ.

По частнымъ писемъ съ острова Каперы, Гарибальди страдаетъ ревматизмомъ, который причиняетъ сильную боль, но не можетъ считаться опаснымъ.

Въ туринской палатѣ депутаты представили проектъ закона о наборѣ 24.000 челвѣкъ въ Эадлію Мархинѣ, Уабріи и Сициліи.

Въ туринской газетѣ «Espresso» пишутъ: «Снова посятся слухъ, что итальянскія войска займутъ Сирію, до совершеннаго устройства этого края, для предупрежденія всякихъ непріязненныхъ попытокъ со стороны мусульманъ противъ христіан. Говорятъ, что главнокомандующимъ этимъ корпусомъ имѣетъ быть назначенъ генералъ Фаши и что къ нему будутъ присоединены 4.000 челвѣкъ французскаго войска и 1.000 англійскаго. Мы бы искренно желали, чтобы слухъ этотъ оправдался, потому-что Европа, раздѣлившая намъ послѣдъ войска ищи въ Сирію, тѣмъ самымъ оградила бы насъ отъ всякаго нападенія со стороны Австріи.»

Французскій П ризволяетъ дипломатическимъ агентамъ своимъ въ чужихъ краяхъ новый циркуляръ, въ которомъ протестуетъ противъ продажи неомонетскимъ правительствомъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ неаполитанской казѣ и королевской фамиліи, и признаетъ всѣ подобныя продажи недействительными.

Парижскій корреспондентъ газеты «Morning-Post», въ свою очередь, опровергаетъ слухи объ уступкѣ Франціи острова Сардиніи.

Неаполитанскій посланникъ въ Флоренцію, князь Петруццелли прибылъ, 17-го (5-го) іюня, въ Берлинъ—какъ полагаютъ, для того, чтобы отклонить прусское правительство отъ признанія Итальянскаго Королевства.

Лиссабонскія газеты утверждаютъ, что португальское правительство отказывается признать Итальянское Королевство.

Посылся слухъ о сосредоточеніи австрійскаго корпуса близъ Песты. Но съ другой стороны извѣщаютъ, что вооруженное взпаніе податей отсрочено до новаго предписанія.

Гарнизонъ крѣпости Ландау, не превышавшій въ мирное время 2.800 челвѣкъ, внезапно доведенъ до 4.000, что вызвало въ газетахъ много толковъ и наделало большой шумъ во всей Германіи.

Англія уснокопалась нѣсколько съ-тѣхъ-поръ, какъ ея правительство привало такія рѣшительныя мѣры къ оборонѣ береговъ св. Крѣпости и баттарей ихъ, связанныхъ между-собою телеграфическою линіею и ихъ предполагаются еще соединить желѣзною дорогою.

Газета «Patrie» сообщаетъ благоприятныя извѣстія изъ Герцогства, гдѣ разрѣшеніе, данное христіанамъ звонить въ колокола, произвело на все католическое населеніе самое-лучшее дѣйствіе. Омеру-Пашѣ представлены, кромѣ-того, отъ нѣсколькихъ общинъ прошенія о постройкѣ новыхъ церквей.

Говорятъ, что Фуад-Паша отказывается отъ предложеннаго ему званія сирійскаго генерал-губернатора. Что же касается до Дуада-Эффенди, назначеннаго губернаторомъ Ливанской горы, то онъ скоро отправится къ своему посту.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ЧАСТНЫЯ.

ОТЪБЪЖАЮШЕ изъ Тифлиса въ Москву и желающіе взять съ собою ПОНУТЧИКА могутъ обратиться въ домъ г. Назальника Главнаго Штаба Кавказскаго Арміи; спросить тамъ рядоваго **Потанова**.

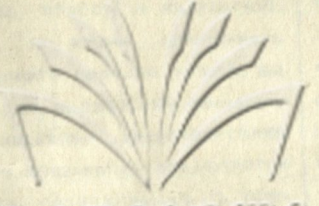
Тифлискій гражданинъ Господь **ХЕРУМОВЪ** имѣетъ честь извѣстить почтеннѣйшую публичку, что въ суконномъ магазинѣ его въ Тифлисѣ, въ нѣждѣ этажъ декарнаго зданія Тамашева, подъ № 16 и 17, вновь получены товары и продаются по умѣреннымъ цѣнамъ: 1) Сукна Англійскія, форменно-зеленыя и проч., 2) Офисскія вещи разнаго рода, для формы медицинскій и гражданскій, 3) Заграничныя лѣтніе товары разнаго сорта и цвѣту, суконная лѣтнія парусины и шикенѣ, лѣтняго цвѣту, камлотъ и пр.

При семъ № слѣдуетъ особое прибавленіе со новѣйшими извѣстіями.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Мѣсяцъ и число по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Сырость воздуха.	Бар. при 13' Р° Русс. пол.	Напр. вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Ревм.	
		Сухой.	Споц.					Напр.	Наиб.
27-го іюня.	7 утра.	+ 16,2	+ 13,0	0,66	569,78	ЮВ. от. слаб.	Обл. вѣсти.	+ 13,2	+ 24,0
	1 попол.	+ 22,6	+ 15,1	0,40	568,60	ЮВ. от. слаб.	Обл. вѣсти.		
	9 вечер.	+ 19,1	+ 14,0	0,52	577,92	ЮВ. от. слаб.	Обл. на гориз.		
28-го іюня.	7 утра.	+ 17,8	+ 14,4	0,65	569,00	СЗ. слаб.	Обл. вѣсти.	+ 15,0	+ 25,3
	1 попол.	+ 25,0	+ 16,7	0,38	568,54	ЮВ. от. слаб.	Обл. вѣсти.		
	9 вечер.	+ 20,4	+ 14,5	0,48	568,99	СЗ. от. слаб.	Обл. на гориз.		
29-го іюня.	7 утра.	+ 17,7	+ 14,5	0,67	569,85	СЗ. от. слаб.	Обл. разс.	+ 14,2	+ 26,2
	1 попол.	+ 25,2	+ 16,8	0,37	568,94	ЮВ. от. слаб.	Обл. вѣсти.		
	9 вечер.	+ 21,2	+ 15,5	0,51	568,67	ЮВ. от. слаб.	Ясно.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

отъ 16-го (28-го) іюня, вечера, что противъ Спидицы турецкіе корабли открыли сильный огонь. Много выходцевъ является изъ турецкихъ предѣловъ въ австрійскіе, гдѣ ихъ обезоруживаютъ и отправляютъ внутрь государства.

ВѢНА, 2-го іюля. Въ вѣнскихъ газетахъ отъ 1-го іюля (19-го іюня), увѣряютъ, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, что венгерскій адресъ не принятъ императоромъ. Графъ Аппони и Гейчи уѣхали въ Пештъ. 1-го іюля (19-го іюня), въ Пештѣ должно было происходить знаменательное засѣданіе. Манифеста императора по случаю адреса не послѣдовало, а состоялось обыкновенное объявленіе правительства съ изложеніемъ основаній непринятія адреса. Причиною тому забвеніе сеймомъ своего долга, непризнаніе имъ наследственнаго короля Венгріи. Если пештскій сеймъ не измѣнитъ своего адреса, то такой образъ дѣйствій будетъ сочтенъ возмущеніемъ и затѣмъ послѣдуетъ распушеніе сейма. Извѣстіе, будто бы въ Вѣнѣ министерскій кризисъ, не имѣетъ основанія.

Константинополь, 18-го (30-го) іюня. Агентство Рейтера извѣщаетъ изъ Константинополя,

отъ 18-го (30-го) іюня, что Памикъ-паша назначенъ на мѣсто Риза-паша, что 500 служителей дворца уволены отъ своихъ нынѣшнихъ должностей и что ожидаютъ другихъ преобразованій. — Любимцемъ новаго султана оказался Мегметъ-Али.

Каттаро, 18-го (30-го) іюня. По извѣстіямъ изъ Каттаро, отъ 18-го (30-го) іюня, черногорцы атаковали турокъ, подъ начальствомъ Абди-паша и меридитовъ, въ укрѣпленномъ форть Нехами, но были отбиты и отступили съ вѣкоторою потерею въ свои горы.

Пештъ, 1-го іюля. Въ засѣданіи венгерскаго сейма 19-го іюня (1-го іюля), президентъ палаты депутатовъ представилъ ей королевскій рескриптъ запечатаннымъ. Раздались крики, чтобы его нераспечатаннымъ отослать въ Вѣну. Затѣмъ, по увѣщанію президента, было возстановлено спокойствіе и рескриптъ былъ прочтенъ въ палатѣ депутатовъ. Послѣдняя рѣшила распространить этотъ рескриптъ напечатаніемъ и отерочить на вѣсколко дней засѣданія сейма. Въ верхней палатѣ венгерскаго сейма, чтеніе рескрипта произошло совершенно спокойно.

ОСОБОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ 51 № ГАЗ. "КАВКАЗЪ", 1861 Г.

Новѣйшія извѣстія.

Въ тотъ самый день, когда «Мониторъ» возвѣстилъ міру, что Франція признала Итальянское Королевство, генералъ Коссато произвелъ въ Туринѣ, послучаю годовщины сольферинскаго сраженія, смотръ войскамъ, отличившимся въ этой битвѣ, и издалъ приказъ, оканчивающійся слѣдующими словами: «То, что еще остается сдѣлать для упроченія сродненія столькихъ народовъ одной и той же земли, произвольно раздѣленныхъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, зависитъ отъ васъ, солдаты! Король и Италія доверяютъ вашему мужеству, патриотизму и тому порыву, какой придастъ вамъ воспоминаніе объ одержанныхъ побѣдахъ, для завоеванія новыхъ лавровъ».

— Туринская палата депутатовъ утвердила 24-го (12-го) іюня, послѣ жаркихъ преній, представленный Гарибальди проектъ вооруженія страны, большинствомъ 218 голосовъ противъ 30.

Г. Риказоли вновь избранъ своими флорентійскими согражданами въ депутаты итальянскаго парламента.

— Здоровье папы не поправляется; онъ не выходитъ изъ покоевъ и принимаетъ только тѣхъ лицъ, которыхъ ему непремѣнно нужно видѣть. Онъ, правда, увѣдомилъ недавно испанскую королеву, что ему лучше, на это имѣетъ значеніе не безусловное, а только относительное, и потому кардиналы сильно встревожены близостью катастрофы.

— Во Франціи ожидаютъ скорого обнародованія императорскаго декрета объ открытіи чрезвычайнаго кредита въ девять милліоновъ фр., на морскія вооруженія.

— Погребеніе султана Абдул-Меджида совершено по установленному церемониалу: тѣло его было вскрыто, въ присутствіи женъ его, внутренности сожжены и, послѣ бальзамированія, останки его, завернутые въ драгоценныя ткани, были положены въ кедровый и серебряный гробы и отнесены, до захожденія солнца, въ мечеть, гдѣ поκειται тѣло отца умершаго государя, султана Махмуда.

— Въ Турціи приняты, по увѣренію корреспондента газеты Ind. V., самыя строгія мѣры, съ цѣлью воспрепятствовать отравленію, изъ какого бы то ни было пункта этой имперіи, политическихъ депешъ, несообразныхъ съ видами правительства.

— Въ Лондонѣ всыхнулъ, 22-го (10-го) іюня, въ обширныхъ магазинахъ Тулей-Страта, близъ Лондон-Бриджа, страшный пожаръ, истребившій множество товаровъ, состоявшихъ преимущественно изъ чаю, шелковыхъ матерій, сала, смолы, масла, хлопчатой бумаги, зерноваго хлѣба и проч. Отъ зданій остались однѣ только стѣны. Множество хранившихся въ нихъ горючихъ матеріаловъ содѣйствовало распространенію пламени. Сначала употреблены были сверхчеловѣческія усилія, чтобы остановить распространеніе его, но, къ несчастію, нельзя было добыть потребнаго количества воды, и пожарныя трубы должны были оставаться въ бездѣйствіи болѣе часу. Вечеромъ, около десяти часовъ, пожаръ еще усилился и вся набережная отъ Лондон-Бриджа до таможенныхъ зданій — была покрыта огромнымъ столбомъ пламени, который по-

ражалъ ужасомъ тысячи зрителей, привлеченныхъ этимъ несчастіемъ изъ всѣхъ кварталовъ столицы. Базалось ничѣмъ нельзя было остановить успѣховъ столь-ужаснаго пожара. Магазины, которые считались неприступными для огня, по толщинѣ стѣнъ ихъ, являлись красными массами, но изъ того, что въ нихъ содержалось, рѣшительно ничего не удалось спасти. Нѣсколько небольшихъ судовъ, находившихся въ сосѣдствѣ, также загорѣлись, и жаръ, причиняемый пожаромъ во всѣхъ направленіяхъ, дѣлалъ во многихъ пунктахъ всякія попытки къ спасенію совершенно-невозможными. Начальникъ лондонской пожарной бригады, г. Джемсъ Брейдуэлъ, былъ задавленъ развалинами, и изувѣченное тѣло его вытащили изъ-подъ груды кирпичей, вышиною въ двадцать футовъ. Кроме его, погибъ еще одинъ пожарный, а шестеро отправлены въ госпиталь. Къ ужасамъ пожара присоединились впоследствии еще взрывы селитры, а вскипяченное масло рѣкою полилось изъ складочныхъ мѣстъ въ Темзу, гдѣ продолжало горѣть и сообщило пожаръ нѣсколькимъ судамъ. Убытокъ въ точности еще оцѣнить невозможно; полагаютъ, что онъ простирается до 5 или 6 милліоновъ фунтовъ стерл. Одной хлопчатой бумаги сгорѣло 18,860 кипъ, а зданія, не считая товаровъ, оцѣнены въ 500,000 фунтовъ стерл. Причина пожара также еще не-вполнѣ приведена въ извѣстность: ее вообще приписываютъ воспламененію большаго количества пеньки въ магазинахъ. Пожаръ могъ бы сдѣлаться еще-ужаснѣе, еслибъ распространенію его содѣйствовалъ вѣтеръ—но, къ счастью, въ воздухѣ было совершенно тихо. Впрочемъ, и въ настоящемъ его объемѣ, пожаръ этотъ—самый-значительный, какой только запомнятъ въ Лондонѣ съ 1666 года. Перпендикулярная высота пламени была такъ-значительна, что за успѣхами пожара можно было слѣдить, безъ труда, на разстояніи 30 миль отъ столицы. Дождь, который шелъ на другой день, не тушилъ пламени, а даже еще болѣе способствовалъ его распространенію. По послѣднимъ извѣстіямъ, какія мы находимъ въ газетахъ, огонь еще не прекращенъ, и взрывы селитры продолжаютъ—но пожарные удалось ограничить извѣстными предѣлами. Денежный рынокъ сильно пораженъ этимъ бѣдствіемъ, и многія страховыя компаніи, быть-можетъ, должны будутъ объявить себя несостоятельными.

Телеграфическія депеши, полученныя въ С.-Петербургѣ.

Антивари, 16-го (28-го) іюня. Изъ Антивари, отъ 16-го (28-го) іюня, извѣщаютъ, что у Спиццы ожидаютъ столкновенія между турками, подъ начальствомъ Абди-паши, и черногорцами, которые убили предводителя католическихъ христіанъ Цупеиса и заняли турецкія деревни. Предводитель Марко высадился въ Спиццѣ, занялъ и укрѣпилъ фортъ Нехами. Абди-паша ожидаетъ подкрѣпленій съ турецкими фрегатами.

Въна, 1-го іюля. Въ вѣнской газетѣ Donau-Zeitung, 19-го іюня (1-го іюля), извѣщаютъ изъ Зары,